* * *

Каштаны, солнцем опаленные,
окрасил сумрачный краплак.
Лишь их плоды светло-зеленые
не верят осени никак:

висят, колючками топорщатся
и падать не хотят в траву.
Неторопливая уборщица
сдувает пыль, метет листву

и ждет: дожди зарядят скорые.
Запрету веток вопреки,
поскачут жеребята карие
по лужам наперегонки.

Застонут ветви оголенные:
— Куда бегут они толпой,
попонки сняв бледно-зеленые,
когда все небо — водопой?!

А осень, повздыхав натруженно,
опять дождя развесит сеть:
— Зачем? — не знаю, только нужно им
до холодов туда успеть,

где, спинки выпачкав лощеные,
поглотит их густая грязь…
Там придорожная лощинка —
Каштановая коновязь.

О СЧАСТЬЕ

Я в домишке у бабушки Насти
побывала сегодня во сне.
Беззаботное детское счастье,
как бутон, распустилось во мне.

На пригорке — апрельская нега,
к солнцу тянутся споро цветы,
останцы залежалого снега
в понизовье забились в кусты.

В закутке под ветлой баба Настя
у огня ворожит с чугунком.
Тянет терпким кизячным дымком,
светлым завтра, тревожным отчасти.

И теперь за грудиной ношу
затаенную радость оттуда:
было в жизни моей это чудо,
потому и дышу, и пишу.

ПОД БЕЛОЙ СКАТЕРТЬЮ

Под белой скатертью бескрайний стол степи.
Как сахар, снег: и сладок, и скрипит.
Здесь, на задворках дома моего,
Мороз и солнце. Больше ничего.

Слежался наст. Едва заметен след.
Одна гуляю. Мне уже пять лет.
Пока что вдаль не манят миражи.
Как жаворонок, чье гнездо во ржи,

Душа кружит над маленьким мирком:
Вон сад, сарай, соломой крытый дом.
Бабаня там у печки ворожит.
На валенке под лавкой кот лежит.

Его дурманят запахи еды.
Он, как и я, не ведает беды...

Незнамо кем подведена черта:
Ни дома нет, ни сада, ни кота.
Пустой под белой скатертью стоит
Огромный стол степи.
И снег летит.